

И звезды отвернулись

Автор:

Владимир Понкин

И звезды отвернулись

Владимир Понкин

Проект Полярного. Твоей прекрасной юности момент

Прошел почти год с тех пор, как я прислушался к зову своего сердца и покинул родной город, оставив в нем все, что было так дорого. В дороге я понял, что счастье – это люди и обыкновенные разговоры с ними. Это прогулка по спящему городу с теми, кто готов разделить с тобой любое приключение. Счастье – это принятие себя, своих страхов и заблуждений. И вот спустя десять месяцев и четыре дня поезд наконец везет меня в сторону дома. Но ждут ли там моего возвращения?

Эта книга хранит в себе мои воспоминания. Она хранит разговоры, любовь, утрату и счастье, которое порой кроется в том, чтобы найти в себе силы вернуться.

Владимир Понкин

И звезды отвернулись

© Владимир Понкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

От автора

Разговор с незнакомыми людьми подобен прочтению первых страниц книги – ты можешь влюбиться в них. И эта книга хранит в себе разговоры, любовь, утрату и счастье. Она хранит в себе воспоминания и огромное количество людей, которых я встречал на протяжении нескольких лет. Именно встречи послужили толчком к написанию этой истории. Все, что есть в этой книге, я пережил и видел при разных обстоятельствах, не всегда хороших и добрых. Но счастье кроется именно в умении найти в себе силы, чтобы перешагнуть трудности и вобрать в себя что-то полезное и новое. Иногда счастье кроется в том, чтобы найти в себе силы вернуться.

Бывало, что случайная фраза, которую я ловил, начинала жить во мне и приводила к невероятным мыслям и идеям. Все, что происходит в жизни, каждый ее момент – удивителен, нужно лишь перестать заикливаться на себе и обратить свой взор на мир.

Отпустите прошлое, и вы вдохнете с облегчением. Слишком много времени мы уделяем путешествиям в страну «Если бы», не так ли? И все, что мы видим, – это лишь сожаление. Я хочу, чтобы вы, прислушиваясь к зову сердца, были готовы к последствиям, ибо каждое возвращение – это труд и опасность.

Хочу сказать спасибо тем людям, которые переживали каждый момент вместе со мной, а именно: Илье за авантюры и бесконечные прогулки, Коле за разговоры и свободу мысли, Севе за яркий пример того, что человек может все, Даше за наше знакомство. И, конечно, Саше Черниковой за то, что ты есть. За то, что ты выслушиваешь меня, помогаешь и направляешь. За то, что ты являешься ориентиром и компасом в море души моей. Благодаря тебе я всегда найду правильный путь, даже если солнца нет, и звезды отвернулись.

Я посвящаю эту книгу вам, друзья.

Я люблю вас.

Часть 1. Прошлое, которое мне снится

Глава первая

«Когда берешь в руки кисть и палитру, чтобы написать светлую картину своего мироощущения, помни о том, что как бы ты ни старался, грусть растечется черной тушью по холсту твоей жизни. Грусть не получится смыть, не получится стереть – останутся темные полосы. Ее не получится спрятать. Ее не получится скрыть или изменить на что-нибудь яркое. От нее невозможно уехать. Грусть всегда остается с тобой, где бы ты ни был. Грусть всегда рядом. В дороге она прижимает тебя ремнями. В кровати она становится одеялом. Научись жить с ней, смирись. И тогда, возможно, ты научишься видеть совершенно новые вещи. Начнешь чувствовать по-другому. Все из-за грусти. Она рядом. Правда, иногда случается так, что некоторые люди отводят от тебя грусть, вкус свободы сбивает с намеченного пути, и ты оказываешься там, где судьбой тебе быть не положено. Где же оказался я?

Я сбился и побывал во многих городах, но в каждом из них я искал ту улицу, на которой встретил тебя. Я выходил рано утром из случайных машин такси и брел навстречу рассветам, прокручивая в голове несостоявшиеся диалоги. Рассказывал тебе о том, как мне одиноко. О том, что именно ты научила меня понимать все происходящее вокруг. Эти слова цвели маковыми полями на просторах моей души, но я не осмелился показать тебе их. И цветы завяли. Прости, что я не разобрался в себе. Прости, что не попросил твоей помощи. Сейчас, когда между нами тысячи пересечений железных дорог, мне рук твоих не хватает рядом. Мне не хватает тебя».

Я поставил точку и закрыл блокнот, сжимая в руке телефон. Мне захотелось поделиться с ней этим письмом, но оно никогда не будет отправлено. Как и несказанные слова, что остались в прошлом и теперь навечно забыты.

Спустя десять месяцев и четыре дня состав вез меня сквозь тишину и полумрак в сторону дома. По вагону шорохом расплзался сон тех, кто был счастливее

меня. У них были свои тайны, свои сомнения, а у меня была своя грусть. Я отвернулся к окну и стал рассматривать капельки воды, собравшиеся в уголке. Они казались жемчужинами, парящими между мной и бескрайними спящими просторами. Они говорили мне: «Чтобы быть там, тебе необходимо принять нашу красоту и освободить свои мысли». Они твердили: «Навсегда отпусти то, что тебе не принадлежит, и все преграды, стоящие перед тобой, сразу исчезнут». А я улыбался им с той грустью, с которой обычно смотрят на детей, чье будущее вызывает легкую зависть. Скольким попутчикам эти капли расскажут то же самое? Скольким попутчикам посчастливится увидеть то, что вижу я? Многие не осознают того, что у вещей тоже есть слова, которыми они хотят поделиться, и бесчисленные взгляды, которыми они всматриваются в нас. Но мы чувствуем лишь свое одиночество. Нет времени обратить свое внимание на прекрасное. У всего есть история, которая ждет своего слушателя. Стоит лишь первым начать разговор.

В дороге я часто старался услышать ту историю, которая заставила бы меня изменить свои взгляды, услышать историю, которая за короткий миг отмерила вектор своего существования и стала бы моей. Но все, что я слышал, становилось лишь очередным многоточием и заканчивалось легким кивком сочувствия, разрушающей тишиной, которая обрывала всяческое желание продолжать диалог. Истории, прочитанные в книгах, давали лишь ощущение вымысла. Может быть, в итоге все мы тоже окажемся чьим-то вымыслом на бесчисленных страницах или экранах? Если этому суждено случиться, то пусть там я буду хотя бы отдаленно похож на себя. Буду таким же закрытым, зацикленным на сиюминутных мыслях, в страхе оставляющий то, что могло бы сделать меня счастливым. Я буду потерян и неуверенным в себе, но с отвагой загнанного в угол зверя стану пытаться все это скрыть от посторонних – из-за боязни сделать больно близкому человеку, разрушить себя. Ведь все, что осталось несказанным, может погубить тебя. А я не сказал слишком многого. Особенно тебе.

В дороге, следуя советам друга души моей, я начал писать и открыл для себя новый мир. И с того момента все авторы и их книги взяли на себя роль моих наставников. Я учился у них. Искал общую структуру повествований и влюблялся в красоту языка. Так, однажды, зачитавшись одной книгой в поезде, по пути к новому городу, я не заметил, как пролежал на одном месте около восьми часов, а когда попытался размяться и пройтись по вагону, понял, что не чувствую ног. Пришлось терпеть ощущение тысячи игл и ждать, когда ноги снова начнут меня слушаться. Когда же начнут меня слушаться слова? Вот бы приручить их, как домашнего котенка, который у меня обязательно когда-нибудь будет.

«Сейчас я пишу эти строки, а ты спишь и видишь сны.

Обо мне ли они?»

Ехать оставалось около шести часов, и раннее утро было похоже на Млечный Путь, скрытый за пеленой тумана. Я взял потрепанный рюкзак, моего лучшего молчаливого друга, который всюду следовал со мной, разделял мои думы и хранил в себе блокноты, неотправленные письма и открытки, зубную щетку, маленькое полотенце и обертки от всевозможных привокзальных закусок, а сейчас мирно спал у меня в ногах. Я открыл маленький кармашек, достал наушники и вернул рюкзак досыпать все-что-ему-угодно. А сам с легким трепетом развязал узел и включил музыку.

«Музыка в дороге – это фильм о тебе».

В голове у меня целыми фотоальбомами всплывали различные истории. Я молча попросил разрешения у тишины нарушить ее покой, раскрыл первый альбом и перевернул страницу.

«Прошлое – это тропинка к твоему дому».

Глава вторая

Остаток лета я провел в бесконечной борьбе с желанием все бросить и вернуться домой, поэтому я старался уехать подальше, окунуться с головой в пейзажи и просторы центральной части страны. Я был тенью в больших городах, стараясь там не задерживаться. Заезжал в гости к знакомым, но на следующий день отправлялся в путь снова, понимая, что нас, кроме прошлого, ничего не связывает. Я снова оставался один. Так, вечерними дождями промелькнуло лето.

Осень стала для меня сном, который я забыл после пробуждения. Осень покинула меня, но оставила приятное послевкусие. Тогда я начал писать, тогда я по-настоящему начал скучать по дому, но старался не углубляться в прошлое, а с улыбкой вспоминать его. Осень – сестра моя. Осенью я ездил попутками и поездами на юг. Выходил на неизвестной ветреной платформе и искал дороги, чтобы открыть в себе что-то новое, но всякий раз, оказываясь в новом месте, я чувствовал на губах привкус забытых мест. Казалось, что каждое дерево и каждая соринка в поле мне о чем-то напоминала, будто я уже встречал их однажды, но не мог разобрать их голос.

«Голос становится знакомой песней».

Прогуливаясь, я смог запечатлеть момент, когда раннее утро накрыло покрывалом инея все окрестности, которых касался мой взгляд. Я радовался осени на юге. Я падал и восхищался каждым моментом, жил в нем, становился зависимым, затем вставал, стряхивая сухие надломленные ветки, и все забывал. Я писал в заметках:

«Осенью солнце ночует на листьях клена. А с наступлением ночи все вокруг замирает. Но до чего же прекрасен тот миг, когда расступившиеся тучи, по краям ограненные в золото, пропускают последние нотки дня на разноцветные холмы, реки и дома. И все вокруг погружается в невероятную тишину. И хочется жить. Как же страшно хочется жить! Наблюдать за игрой цветов и слушать осень».

Я чувствовал каждый порыв ветра, что сбрасывал зеленые листья с высоких вязов, сросшихся широкими кронами. Иногда, в октябре давно забытые августовские порывы, казалось, врываются в распахнутые окна, и солнце прогревало кафельные плитки всех коридоров в отелях и домах. Но земля моих мыслей оставалась холодной. За всем этим было интересно наблюдать. Это было приятно чувствовать. Мне, выросшему на юге и впитавшему солнце в свои

лопатки и плечи, все это казалось таким родным, что я не хотел покидать те места. Но после того, как солнце перестало прогревать землю, а деревья остались без листьев, грусть вновь ворвалась в мои сны.

Постепенно приближающаяся зима давала о себе знать. Облака затягивали небо, и сутками незнакомыми прохожими шли дожди. В такие дни я сидел в номере, читал, пытался писать и верить, что однажды это закончится. Хотя авторы страницами своих книг говорили мне обратное – ничего не проходит, лишь меняет форму. Ничего не происходит, лишь прошлое повторяется вечно. И мы скитаемся по переулкам судьбы, проходя мимо закрытых дверей. Но двери свои нам никто не откроет.

«Прошлое продолжается вечность».

Каждое решение принималось мной спонтанно. Закрывая дверь своего номера, я не знал, проведу ли я в нем еще одну ночь, поэтому всегда старался предупредить, что приехал по рабочим вопросам и могу уехать в любой момент. Да, я лгал. Мне часто приходилось лгать. Я решил, что ложь в дороге – это способ защиты. Если таксисты или попутчики настаивали на разговорах, я говорил, что еду в командировку. Ведь не каждый сможет понять простое желание ехать куда-то ради того, чтобы просто ехать.

Все диалоги, которые я вел в кафе или на остановках, сводились к единственному вопросу: «Зачем я здесь?» Я не хотел делиться словами с чужими людьми. У меня было много интересных мыслей, для которых я построил своеобразный заповедник в своей голове. Они хранились там для тебя. Каждая мысль отпускалась на волю, в естественные условия и скромно, но радостно существовала сама по себе. Каждая мысль ждала своего часа. Каждая мысль ждала возвращения домой. А для остальных были кивки и полуулыбки. И за все время своего весеннего путешествия я заглянул в глаза человеку лишь однажды.

Глава третья

Я встретил его на автовокзале в Ростове-на-Дону в миг, когда солнце перекатами тянулось к горизонту, а люди лучами расходились по площади. Один за другим подъезжали автобусы и забирали своих пассажиров. Я перестал различать лица и просто крутил головой по сторонам в надежде увидеть знакомого души моей в незнакомом городе сердца моего. Мне искренне хотелось узнать кого-нибудь из толпы, ухватиться за него взглядом, перебрать имена общих знакомых и просто улыбнуться. Тут мое внимание привлек пожилой человек, которого я не знал, не помнил, но среди этого стремительного людского потока он показался мне камнем, выглядывающим из толщи воды. Он стоял в нескольких шагах от меня, просто смотрел на здание автовокзала и улыбался. Впервые за все время моего путешествия мне захотелось поговорить с незнакомым человеком. Я снял наушники, подобрал портфель и подошел к нему.

– Я тоже люблю рассматривать это здание, – сказал я.

– Дело не в здании, а в том, что оно означает для тех, кто входит в его двери, – не оборачиваясь, произнес старик.

– И что же оно означает для вас?

– Мою молодость, – ответил незнакомец и посмотрел на меня.

Его лицо было добрым, взгляд пропитан смирением, и мне показалось, будто минутой ранее он простился с чем-то очень важным для себя. Будто он оставил какую-то главу своей жизни и после стольких лет готов идти дальше. Но я не мог просто так отпустить его. Мне хотелось поговорить с ним. Мне хотелось узнать, какими тропами он пришел, как оказался здесь этой грустной осенью и куда двинется дальше.

– Я бы хотел расспросить вас об этом подробнее, – я выдержал паузу в духе старины Коса, – но мне кажется это не очень уместным.

– Почему же? Зови меня Владимиром Михайловичем, – дружелюбно ответил он.

– А я тоже Владимир.

– Ну и славно, парень. Теперь мы знакомы, и ты можешь узнать немного о моей жизни. Может, некоторые истории будут для тебя поучительными.

Мне сложно вспомнить все истории, которые он рассказал мне в тот вечер на автовокзале. Еще сложнее поверить в их подлинность, но у меня было еще одно дорожное правило: «Постарайся поверить историям, которыми делятся с тобой незнакомые люди в твоих путешествиях».

И я верил.

Он рассказал мне о том, как впервые оказался в этом месте и как встретил здесь свою любовь. Короткими толстыми пальцами обыкновенного работяги он показывал мне направления, по которым бродил в тот день, когда ждал ее пригородный автобус, ведь он ждал ее всю свою жизнь, а в миг, когда они встретились, он был готов упасть на землю и плакать. Ком того счастья до сих пор стоит в его горле, напоминая об утраченной юности. Он рассказал мне, как они гуляли по улицам Ростова, как выходили на набережную и прятались от солнца под тенью каштанов. Как он просыпался среди ночи и улыбался звездам, благодаря их за то, что у него есть. И как однажды всего этого не стало. Как лезвием одного легкомысленного поступка он оборвал нить, которая связывала их. Как он остался один в этом городе, и теперь, спустя столько лет, пришел на вокзал, чтобы проститься с нею и навсегда уйти.

А я слушал его, тлея от его слов с мыслями о тебе, находившейся на расстоянии тысячи километров. И единственное, что мне хотелось сделать, – это оставить все разговоры и раствориться в твоих объятиях. Но я слушал своего незнакомца и ждал свой автобус, который увезет меня еще дальше. Выдержит ли наша нить все мои выпады? После того, как я простился с Владимиром Михайловичем, я сел в автобус, раскрыл блокнот и написал там единственную фразу:

«Мне страшно».

Глава четвертая

Почти всю зиму я провел в объятиях одиночества. Правда, мне хотелось бы рассказать о том, что я был рядом с любимым человеком, но ведь это не так. Хотя я постоянно представлял, как все это время мы были вместе. Делились историями, переживали что-то общее, но единственное, что нас с ней на тот момент объединяло, – это расстояние. И как раз им я не хотел ни с кем делиться. Расстояние принадлежало мне. Я мог делать с ним что угодно, кроме одного – я не мог сократить его. Я не мог вернуться и все забыть. Это было мне не по силам. Расстояние своего одиночества я посвятил тишине.

В это время я навестил старого друга, с которым мы разделяли студенческие будни. Его звали Никитой, но часто называли Кит. Я тоже его так называл, но не из-за имени, а потому, что душа его таила в себе океаны, которые я с радостью открывал. Бывают такие люди, поддерживать общение с которыми совершенно не обязательно. Они не ждут поздравлений на день рождения или праздники. Им не важно, помнишь ли ты какие-то даты или нет. Они просто рады, когда вы встречаетесь, и принимают тебя в своем доме как родного человека. Возможно, для таких людей ты и правда родной, поэтому они не таят в своем сердце обиду. Они просто рады тому, что ты где-то есть. Вдвойне рады, если ты счастлив. И Кит именно такой человек. С первых минут нашей встречи мы говорили так, будто не виделись всего несколько дней, хотя пропасть времени между нами можно измерить годами. Мы вмиг перешагнули эту бездну.

Встретив меня на остановке, он протянул мне руку, а я со смехом оттолкнул ее и обнял его. Затем были долгие дни прогулок по окрестным лесам и разговоры на полу возле старой советской лампы. Я поделился своими переживаниями по поводу отъезда из Дубны, а он хмурился, рассматривая тень от лампы, и изредка кивал. После того, как я закончил свою историю, Кит некоторое время молчал, затем сказал:

– Ты всегда нравился мне своим безрассудством, а теперь ты превзошел самого себя. Но, кажется, я понимаю...

– Да, впервые в жизни я поплыл против течения жизни и теперь принимаю последствия, – ответил я.

– Завтра проснемся пораньше, я отведу тебя в одно место, там и обсудим, а пока хватит говорить о боли больше, чем ты ее чувствуешь.

– Куда ты меня поведешь?

– Да, пустяки, всего пару минут идти, – хмыкнув, произнес он полусшепотом и поднялся с пола.

Это была его любимая фраза, которую я много раз принимал всерьез. Парой минут для него мог оказаться десятикилометровый марафон по дебрям с болотами и комарами. «Пара минут, – говорил он, – сейчас ты здесь, а через пару минут ты уже в другом месте. Разве не там ты хотел оказаться? Всего пара минут, и ты ласкаешь глазами горизонт. Дело не в том, куда ты идешь, а в том, что с каждым новым шагом ты оказываешься в другом месте. Измеряй расстояние в новых мыслях. Измеряй время в событиях. И в этом вся прелесть путешествий. Не конечная точка, а отрезки пути, которые ты проходишь за пару минут, и то, что тебе это приносит. Лично я ощущаю удовольствие и восторг». Так говорил он мне, когда мы два часа шли к развалинам какого-то храма. Его излюбленным средством передвижения были ноги. Я шел за ним, допивая воду из бутылки, и щурил глаза от солнца. «Всего пару минут, – говорил он, – всего пару минут». Событие.

«Хватит говорить о боли больше, чем ты ее чувствуешь».

Глава пятая

Утром, одевшись потеплее, мы вышли из дома. От холода некоторое время у меня слезились глаза. От холода ли? Кроны деревьев на горизонте царапали солнце. Ветра не было.

– Мы пойдем к тому лесу? – спросил я.

– Мы пойдем через тот лес, – ответил Кит и сделал глубокий вдох.

Я убрал руки в карман куртки и почувствовал тепло, которое ткань унесла с собой из сонного дома. Оно заставило меня вспомнить темную комнату с

кроватью в углу, журнальный столик у стены и старый пыльный ковер с узорами, которые каждый из нас видел в детстве. Я подумал о том, что прошлое, каким бы забытым или ушедшим оно ни казалось, всегда рядом – стоит лишь разок взглянуть под ноги, и сразу же всплывают картины того, что ты когда-то оставил. Прошлое в окружении, и от этого не сбежать. От этого не уйти. Нельзя перестать замечать того, что есть мир. Все вещи связаны единственной нитью. А нить эта – вся наша жизнь.

– Там есть хорошие колеи от снегоходов, по которым удобно идти, – услышал я конец его фразы и мысленно упрекнул себя за то, что снова потерялся в раздумьях. Но друг мой ничего не заметил или все понял и продолжил: – поэтому нам не придется идти по сугробам.

– Как же досадно, – литературно выразился я.

– ... – не литературно выразился Кит, затем взял меня за локоть и повел за собой, – мы можем проложить свои тропы.

– Не стоит. Спасибо, – ответил я и освободился из его захвата.

Мы шли по обочине какой-то дороги, затем свернули на узкую тропинку, середина которой была продавлена гусеничной лентой снегохода, и постепенно приблизились к лесу.

Из снега островами торчали сухие стебли тысячелистника, а солнце расстелило перламутровый Млечный Путь мерцающих снежинок. Стояла холодная, но какая-то добрая, спокойная тишина. Я находил умиротворение в присутствии человека, который шел рядом со мной. Неужели в мире так много людей, с которыми мне комфортно? К двадцати четырем годам я насчитал уже троих. В этот раз я решил не углубляться в собственные мысли, а порассуждать вслух:

– А много ли ты встречал людей, с которыми тебе комфортно просто быть рядом?

– Ты знаешь, – протянул он, – я как-то не особо задумываюсь о собственном комфорте рядом с человеком. Для меня важнее то, что ему комфортно со мной.

– Но это же заставляет тебя подстраиваться! – возразил я.

– Нет, если человек делает для тебя тоже самое, то вам комфортно друг с другом.

– Я с тобой не согласен. Это же и-ми-та-ци-я! – крикнул я в поле, что простиралось передо мной.

Кит засмеялся и опустил голову, рассматривая то место, где когда-нибудь будут цвести подснежники.

– Это сарказм, дурак, – ответил он и протянул руку к моему локтю.

Я резко отстранился и оттолкнул его.

– Вот, значит, как! – прошипел он и сделал шаг в мою сторону, вызывая лавины Дхаулагири[1 - Многовершинный горный массив в Гималаях.] своими ногами. – Ну-ка, повтори!

Я со всего размаху опустил ладонь, и в этот момент он отпрыгнул в сторону, одновременно пытаясь схватить меня за рукав второй рукой. Я снова резко выдернул свою руку, но упустил из виду самого Кита, так что он рывком смог накинуться на меня, обхватив обеими руками за плечи. Кряхтя и истерично смеясь, он попытался повалить меня на снег. Такие всплески спонтанной жестокости когда-то давно очень сильно удивили меня, но потом я понял, что это жест признания. Он редко позволял себе дурачиться, и все эти толчки, захваты, прыжки и смех были всего лишь странной игрой, в которой я с удовольствием принимал участие. И сейчас мы были одни посреди снежного поля на тонкой тропинке, ведущей в мою молодость.

Мы толкались, бросали друг друга в сугробы и бегали, как сумасшедшие. И в тот момент забыл о себе. Перестал существовать. Чувствовал замерзшие руки, чувствовал, как снег набился в ботинки и намочил носки, но сознание мое в тот момент было далеко. Я просто отдался игре, и эмоции, которые жили во мне все это время, внезапно почувствовали свободу. Мои глаза заслезились, затем по щекам побежали слезы, и каждый вдох холодного зимнего воздуха отзывался комом в горле. А потом я просто повернулся спиной к Кита, сел на снег и отпустил свои чувства. Я плакал. Плакал, и мне за это не было стыдно. Я не мог объяснить свое состояние. Мои плечи тряслись, руки безвольно упали на снег, пальцы до боли сжались в кулаки. Я плакал. Кит стоял в нескольких шагах за

моей спиной и молчал. Я плакал от осознания того, что не способен выразить свои чувства. Я просто не знал их. Внутри все пылало, горело, взрывалось, оставляя лишь пустоту после какой-то огромной потери. В тот момент я потерял и обрел себя снова. Что-то, дремавшее во мне, внезапно сорвало с петель дверь, которую я столько времени боялся открыть, и вырвалось наружу. Я чувствовал вкус своих слез, который казался таким забытым, таким далеким. Сквозь пелену я видел, как вздымается пар от моего дыхания, но не слышал себя. Впервые за долгое время я находился в настоящем времени. Я был там. Один, на коленях, перед огромной пропастью своих мыслей. Боясь упасть, я закрыл глаза. И именно в тот момент, когда картина мира сменилась черной пустотой, я почувствовал, как все начало стихать. Дыхание выровнялось, руки почувствовали холод снега, послышались приближающиеся шаги Кита.

- Ты чего это, друг? - спросил он, остановившись в метре от меня.

- Что-то накатило, - ответил я, вытирая остывшие слезы холодным рукавом куртки.

- Бывает.

- Да, бывает.

Все прошло так же внезапно, как и началось. Буря стихла, унося с собой всю тяжесть с моей души. Я поднялся на ноги и зажмурил глаза. Яркое солнце слегка ослепило меня.

- Идем дальше? - спросил Кит. Да, - ответил я, - сколько нам еще идти?

- Ты знаешь ответ.

- Пару минут.

- Пару минут, - кивнул он.

Глава шестая

Спустя полчаса мы спустились к реке и вновь пошли по колеям от снегохода. Кит рассказывал, что произошло с ним за годы нашего общения. Я шел следом, и мое воображение рисовало картины его странствий и размышлений. В тот момент я жил его историями. Такое случается, когда собеседник красочно и детально описывает события, которые пережил. Слова его были сутью жизни. Словно он жил для того, чтобы рассказать мне об этом. Я видел, как он переезжал с места на место, встречался с девушками, радовался, смеялся, любил и был разбит, разбит, разбит. Рассказами он передал мне ощущение своей жизни, отчего я захотел отдохнуть и перекурить.

– Давай сделаем привал у того завалившегося дерева, – предложил я, показывая на уходящую под лед крону

– Да, давай. Хотя то место, к которому я тебя веду, как раз за тем деревом. Нам надо только уйти с реки и подняться на холм.

– И все-таки давай посидим здесь. Место шикарное.

– Шикарное, – повторил Кит. – Давно я не слышал это слово.

– А я как раз вспомнил, когда ты рассказывал свои истории.

– Шикарное слово.

– Не иначе, – ответил я и, стряхнув снег с коры, сел на дерево.

Кит достал из рюкзака термос, открутил крышку и налил в нее что-то горячее.

– Что это? – спросил я.

– Пока ты спал, я приготовил сбитень.

Когда Кит достал термос, я поймал себя на мысли о том, что мне страшно – вдруг там может оказаться кофе? Вернее, я испугался тех воспоминаний, которые нахлынули бы на меня с первым глотком. Та ночь теплого лета, когда мы с тобой пили кофе из термоса и молчали на берегу, обнажая душу друг перед

другом и созвездиями, принадлежит только нам. Кофе событий из термоса наших чувств мы должны пить только вместе. И никак иначе.

– Когда ты вернешься из своих мыслей, возьми эту чертову крышку и попробуй сбитень, – услышал я язвительный тон друга.

– Давай.

Над кружкой всеми моими опасениями вздымался пар. Я взял ее в руки, почувствовал тепло напитка и вдохнул пьянящий запах корицы, гвоздики, кардамона, меда и имбиря. Первый глоток обжег мне язык. Второй – обнаружил сладость. Третий – раскрыл вкус. Четвертый – потребовал продолжения. Пятый – стал тропинкой в рай.

– Придем домой, научишь меня варить такой сбитень. Я хочу удивить кое-кого.

Кит ухмыльнулся и налил свою кружку до краев. Его улыбка была подарком этой реке. Некоторое время я смотрел на него, затем, переведя взгляд к противоположному берегу, задумался о своем.

«Какому из всех берегов своей жизни ты сейчас посвящаешь свой взгляд?»

Глава седьмая

Мы поднимались на холм без тропинок по рыхлому снегу. Было приятно осознавать, что, по крайней мере, за несколько дней или недель мы первые, кто шел именно здесь. Эта мысль ощущалась покалыванием на кончиках пальцев. Холм принадлежал нам. И в тот миг не было состояния идеальнее. Сбитень расслабил меня, и я чувствовал себя прекрасно. Просто шел и думал о том, что мое сознание и мое тело сейчас вместе находятся на окраине огромной страны, и чувствовал, что живу этим моментом. Я думал о том, как сильно ошибался в

тех, кто пытался раскрыть мне глаза. Ведь своими попытками они старались сделать меня таким, каким они хотели меня видеть, сделать похожим на них. Я не был нужен им самим собой. И я не сопротивлялся, но спустя какое-то время понял, что моя собственная жизнь проходит мимо. Я говорил себе:

«Все интересы, мысли, идеи просто отсеиваются другими людьми. Почему так происходит? Почему люди не могут позволить другим быть счастливыми в мелочах? Зачем все это? Зачем тебе человек, который не замечает твоих чувств? Зачем тебе тот, кто ограничивает мечты и тянет вниз? Зачем подстраиваться под идеалы других? Мы все идеальны такими, какие мы есть. Вот в этот момент. Вот сейчас. Ты идеален. Ты прекрасен. Со своими мыслями, бессонницей, комплексами. Ты идеален. Ты идеален, переступая через сугробы в гостях у друга. Ты идеален. Спроси себя: «Я счастлив?» и сразу же ответь: «Да!», потому что ты всегда был счастлив, только смотрел не в ту сторону. Смотри в себя. Заруби себе это, где хочешь. И прокручивай в плеере своих мыслей песню этих слов. И если человек рядом с тобой не видит этого, отпусти его, освободи свою жизнь. Тебе это не нужно. Постарайся быть счастливым. В мире творятся ужасные вещи, и все, что ты должен делать, – постараться хотя бы чуть-чуть быть счастливым. Ты должен искать свет, излучать тепло и добро, а не терпеть бесконечные сцены на пустом месте, которые устраивают люди в автобусах, в очередях, на улицах и в своих головах. Этим людям страшно. Эти люди слабые. Прости их. Прости их и отпусти. Постарайся быть лучше. Будь с тем, кто делает тебя лучше. Помоги людям быть лучше и ничего не требуй взамен. Полюби себя, пожалуйста».

И я любил. Я пытался. Но мне все равно было страшно. А кому не страшно обнажить свою душу, вывернуть ее и показать все свои внутренности мыслей синему небу, даже если на улице снег, в рюкзаке термос с горячим сбитнем, а впереди спина того, кто ведет тебя на холм к спасению, которое никогда по-настоящему не станет таковым? Кому из нас не будет страшно от этого?

Кит ускорил шаг и пошел по диагонали. Я молча последовал за ним. Вдруг он обернулся и сказал:

– Несколько лет назад вот такой же зимой я случайно нашел это место. Раньше я много раз проходил мимо, а потом решил залезть на этот холм, не спрашивая почему, – он поводит указательным пальцем по воздуху и продолжил: – и

обнаружил вот это.

Я проследил за его взглядом и увидел черную полосу на склоне, на противоположной стороне реки.

- Что это? - спросил я.

- Это ключ.

«Ты есть то, что ты хочешь сказать этому миру».

Глава восьмая

- Когда ты приехал ко мне, - Кит говорил быстро, слова вырывались из него родниковой водой на склоне холма, - одного твоего взгляда хватило для того, чтобы я сразу понял, что покажу тебе это место. Я почувствовал усталость твоей души. Со мной такое тоже было. Понимаешь, настоящая жизнь - это те минуты, когда ты что-то по-настоящему чувствуешь, а все остальное - пыль. Не бойся чувствовать. Не отворачивайся.

- Я знаю, друг.

- А ты чувствуй. Просто доверься сердцу своему, когда весь мир говорит тебе, что ты неправ. И постарайся пройти этот путь, даже если попутчиком тебе будет лишь одиночество. Твое решение уехать было правильным и справедливым. Но теперь ты уже другой человек. Каждый километр, ты представляешь, - Кит широко улыбнулся, обнажив два ряда ровных зубов, и вскинул руки, - сколько это минут наедине со своими мыслями! Каждый километр обрекает тебя на новые мысли. Доверься им. Я понимаю, что библиотека твоих размышлений просто завалена книгами о возвращении. Ты здесь для того, чтобы вернуть их на место. Вот, пока не расставишь все по полочкам - не возвращайся. Серьезно. Наломашь дров. Люди, о которых ты мне рассказал, прекрасны. Они понимают тебя. Они не ограничивают, они умеют отпускать. Отпусти и ты их, пока

находишься здесь. Но не пропусти миг, когда пора возвращаться. Не затягивай.

Этими словами Кит, словно перочинным ножом, ковырял мою душу, а я не сопротивлялся. Я рассказал ему про волшебное лето, признался в своей любви к Ли. Я был беззащитен перед ним. Я чувствовал себя, как на хирургическом столе перед операцией: я доверял этому хирургу и горячему сбитню в качестве наркоза. Поэтому я сказал себе: будь что будет. И пошел искать путь к свободе, чтобы вернуться и позволить себе счастье, которого многие люди не замечают, стряхивая эти хлебные крошки любви со стола своей жизни.

«Прос

Купить: https://tellnovel.com/ru/ponkin_vladimir/i-zvezdy-otvernulis

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)